
Частное предпринимательство на лесозаготовках в 1919–1921 гг.: замысел центра и оппозиция регионов

Евгений Воейков

Private enterprise in logging in 1919–1921:
the idea of the center and the opposition of the regions

Evgenij Voyeikov
(Penza State University, Russian)

DOI: 10.31857/S2949124X23020104, EDN: BITYNK

Символами эпохи «военного коммунизма» стали продрозвёрстка, всеобщее огосударствление экономики, трудповинность, инфляция, товарный дефицит и голод. Частное предпринимательство, более характерное для последующей эпохи нэпа, для первых послереволюционных лет обычно рассматривается применительно к сектору полуполюгального «чёрного рынка», на существование которого власть была вынуждена закрывать глаза. Между тем в лесной промышленности в эти годы активно проводился эксперимент по привлечению частного капитала для борьбы с топливным кризисом.

Кризис 1918–1921 гг. и многообразные мероприятия по борьбе с ним в исторической литературе изучены недостаточно. Прежде всего они рассмотрены в капитальном труде Д.А. Баевского, во многом сохраняющем актуальность до сих пор¹. Внимание в нём сосредоточено на деятельности Главного лесного комитета и осуществлявшего топливную трудовую повинность Главного комитета по труду, в то время как вопрос о лесозаготовках отдельных организаций разработан слабо, деятельность подрядчиков не упоминается вовсе. В последующих работах уточнялись и детализировались региональные аспекты преодоления топливного кризиса². Затрагивают изучаемую проблематику работы по индустриальному развитию отдельных регионов, однако чаще всего они дают только общую картину. Так, в монографии Т.Н. Кузьминой и Н.А. Шарошкина на основе тщательной проработки архивной источниковой базы исследовано развитие основных отраслей промышленности Пензенской губ. в начале XX в., но о заготовках дровяного топлива говорится лишь

© 2023 г. Е.В. Воейков

¹ Баевский Д.А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода Гражданской войны. М., 1957.

² См., например: *Ананьева Г.В.* Особенности функционирования городского хозяйства Курска в годы Гражданской войны: топливный кризис // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2013. Вып. 54. № 6. С. 36–39; *Карпенко С.В.* Расстройство железнодорожного транспорта и топливный кризис во врангелевской Таврии: причины и взаимодействие (апрель–ноябрь 1920 г.) // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 19. С. 41–52; *Воейков Е.В.* Преодоление топливного кризиса в Самарской губернии в 1918–1921 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 18. 2016. № 3. С. 94–98; *Воейков Е.В.* У истоков экологических проблем // Отечественная история. 2001. № 5. С. 150–154.

эпизодически³. Исследуется развитие лесопромышленного комплекса СССР, но внимание чаще всего сосредоточено на Карелии и Урале, а хронологические рамки охватывают преимущественно период 1930–1980-х гг.⁴ Что касается именно частного предпринимательства на лесозаготовках, то о нём либо умалчивается, либо упоминается кратко. Например, И.Г. Старшова в статье о преодолении топливного кризиса на Северо-Западе России отметила, что в 1920 г. при новом руководителе гублескома на лесозаготовках Псковской губ. «пышным цветом распустились всевозможные частно-заготовительные органы», что вызвало обеспокоенность местных властей⁵.

В настоящей статье рассмотрена эволюция курса Главного лесного комитета ВСНХ на привлечение частных предпринимателей на примере отдельных губерний Поволжья. Сведения о «частниках» на лесозаготовках эпохи «военного коммунизма» в архивных и опубликованных материалах отложились в отрывочном и бессистемном виде и чаще всего представлены в виде кратких констатаций самого факта их наличия. Данная работа — результат многолетнего поиска и складывания «мозаики» из разрозненных отрывков информации.

Топливный кризис на контролируемой большевиками территории России начался в 1918 г., резко обострился годом позже и продолжался вплоть до весны 1922 г. Нефтяные и угольные месторождения оказались отрезаны из-за военных действий, заготовить дрова в необходимом количестве на протяжении ряда лет не удавалось. Останавливались железные дороги, закрывались промышленные предприятия, люди в холодное время года мёрзли дома и на работе. Из-за невозможности регулярно мыться и стирать одежду в горячей воде широко распространилась эпидемия тифа. Требовалось любой ценой дать потребителям наиболее доступное древесное топливо.

Руководство лесозаготовками с декабря 1918 г. осуществлял Главный лесной комитет (Главлеском). На местах ему подчинялись губернские лесные комитеты (гублескомы). Изначально предусматривалось, что они будут главными лесозаготовителями страны⁶. Но уже весной 1919 г. равные права с гублескомами получили железнодорожные лесные комитеты (желескомы). Также заготовкой дров занимались части Красной армии и промышленные предприятия. Подобная децентрализация отрицательно отражалась на ходе работ, приводя к борьбе за лучшие лесосеки и рабочие руки, переманиванию лесорубов и возчиков путём повышения расценок на тех или иных участках.

В 1919 г. в связи с усилением топливного кризиса лесозаготовки активизировались в условиях децентрализации и максимального расширения круга заготовителей древесного топлива. Руководитель Главлескома Г.И. Ломов указал: «В дальнейшем все эти заготовительные аппараты нам удастся без труда объединить, а пока всякий завод, обеспечивающий себя дровами, должен

³ Кузьмина Т.Н., Шарошкин Н.А. Промышленность Пензенской губернии в 1901–1921 гг. Пенза, 2014.

⁴ Зыкин И.В. «Зелёное золото» индустриализации. Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. — первой половине 1941 г. Екатеринбург, 2021; Кулагин О.И. Развитие лесопромышленного комплекса Карелии как инструмент модернизации моноотраслевого региона во второй половине XX в. Петрозаводск, 2020.

⁵ Старшова И.Г. Топливный кризис на Псковщине в годы Гражданской войны // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2006. № 24. С. 146.

⁶ Декреты Советской власти. Т. IV. М., 1968. С. 263–264.

быть нами всячески поддержан»⁷. Ему вторил его заместитель С.И. Либерман: «При современных тяжёлых условиях транспорта и снабжения положительных результатов надо ждать не от концентрации заготовок, а от возможно большего их дробления посредством армии заготовителей»⁸. Как показало последующее развитие лесной промышленности, «в дальнейшем» наступило только после Великой Отечественной войны. В 1920–1930-е гг. промышленные главки и предприятия вели самостоятельные лесозаготовки, чем усиливали децентрализацию и чехарду с переходом рабочих от одного заготовителя к другому.

Главлеском принял решение привлечь на лесозаготовки частных предпринимателей и отдельные организации, осуществлявшие работы подрядным способом. Президиум ВСНХ одобрил это решение на заседании 1 апреля 1919 г., однако обращает на себя внимание осторожность формулировки: «в тех губерниях и уездах, где местные органы не в состоянии исполнить нарядов полностью». Подчёркивалось, что «опыт заготовки дров показал полную возможность организации местных органов по заготовкам без участия подрядчиков, как, например, в губерниях Череповецкой, Тверской, Костромской»⁹.

Даже с учётом этих оговорок названная мера противоречила идеологическим установкам большевиков. В этой связи представляет интерес аргументация руководителей Главлескома. Ломов, характеризуя топливный кризис в целом и недостаток дров для снабжения транспорта и промышленности в частности, писал: «При данных условиях мы должны твёрдо сказать: не только наши собственные заготовительные аппараты должны развивать максимальную деятельность в лесу, но и другие аппараты, желающие работать над вырубкой и доставкой дров, независимо от того, будет ли это пролетарский аппарат или даже частный... При данных условиях мы должны твёрдо себе уяснить, что мы не в силах своими собственными аппаратами обеспечить республику необходимым для неё дровяным топливом, и было бы преступлением ради чистоты принципа пожертвовать существованием самой промышленности»¹⁰. Либерман указал, что «зачастую работа подрядчика под бдительным контролем пролетарских организаций даёт значительно лучшие результаты, чем та же работа, происходящая в недрах наших бюрократических учреждений», а также что «для успеха дела полезно известное соревнование между заготовителями»¹¹. Заведующий отделом губернских заготовок комитета А.А. Апушкин аргументировал необходимость «привлечения всех способных к заготовке сил» верой «в частную инициативу, в знание и опыт частного аппарата»¹².

Сторонниками подрядного способа заготовок выступили и активно проводившие с 1919 г. самостоятельные заготовки железные дороги. Например, комиссар Рязано-Уральской дороги, заготавливавшей дрова на территории Пензенской, Самарской и Саратовской губерний, направил наркому путей сообщения докладную записку, в которой отметил невозможность быстро и эф-

⁷ Ломов А. Топливный голод и наша топливная политика // Народное хозяйство. 1919. № 6. С. 13.

⁸ Либерман С. О политике заготовки древесного топлива // Экономическая жизнь. 1919. 27 сентября.

⁹ ГА РФ, ф. Р-130, оп. 3, д. 334, л. 25 об.

¹⁰ Ломов А. Топливный голод и наша топливная политика. С. 14.

¹¹ Либерман С. О политике заготовки древесного топлива.

¹² Апушкин А. Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома // Топливное дело. 1921. № 3–4. С. 18.

фективно решать в центре вопросы по обеспечению железного инструментами и продовольствием и призвал к допуску частной инициативы на лесозаготовках¹³. Кризисная ситуация и риторика руководства Главлескома воздействовали и на местных работников. Представитель Пензенского губсовнархоза В.М. Смирнов высказался в пользу максимального расширения круга лесозаготовителей: «Сейчас трудно выработать какой-нибудь определённый план, мы находимся в положении пожара, и надо скорее тушить его, не разбираясь в средствах»¹⁴.

Призывы возымели эффект. Пункт 4 постановления ВСНХ и Наркомата путей сообщения «О порядке осуществления лесных заготовок в сезоне 1919–20 гг.» (май 1919) гласил: «К производству лесных заготовок привлекаются государственные, общественные и муниципальные учреждения, кооперативы и частные лица». Пункт 3 обозначил рамки: «Заготовки могут производиться либо для собственного потребления, либо в общегосударственный фонд Главлескома... Приобретение дров для продажи не допускается»¹⁵. Следует отметить отсутствие уточнений насчёт ограничения использования частных на лесозаготовках в зависимости от конкретной ситуации в той или иной губернии. Судя по всему, руководители Главлескома сумели продвинуть в ВСНХ свои идеи про «опыт частной инициативы» и соревнование «армии заготовителей».

Однако позиция на местах существенно отличалась от линии центра. Ещё в начале сентября 1918 г. отдел топлива ВСНХ созвал съезд ответственных работников по лесозаготовкам. Допуск частных лиц через подрядный способ на нём признали недопустимым по принципиальным соображениям, но с учётом катастрофического положения с топливом разрешили его как крайнюю меру¹⁶. В губерниях Поволжья запасы лесов были ограничены, поэтому наличие большого числа лесозаготовительных организаций неизбежно приводило к срыву работ на отдельных участках из-за переманивания рабочих. На этом основании курс Главлескома на привлечение «частников» работники местных лескомов и лесотделов встретили настороженно. На съезде представителей этих органов Симбирской губ. (10 сентября 1919 г.) констатировалось: «В некоторых организациях работы по заготовке леса производятся подрядчиками, получившими от Главлескома право на отводы им в Симбирской губернии, эти частные лица незнакомы с местными условиями... при данных условиях нельзя рассчитывать (на их вклад. — *Е.В.*)»¹⁷.

Помимо конкуренции опасались ещё и жульничества. Главлеском разработал максимально упрощённый порядок выделения лесных площадей. На съезде лесозаготовителей Пензенской губ. (23–25 августа 1919 г.) руководитель гублескома И.М. Юкин поделился впечатлениями от добытого им во время пребывания в Главлескоме образца договора: «Всякое желающее разработать дрова частное лицо подаёт о том заявление в Президиум Главлескома, который самым благосклонным образом к таким заявлениям относится, берётся чистый бланк договора, вписывается фамилия, количество десятин, подлежащих разработке, и сумма денег, указывается губерния, где должна происходить разра-

¹³ Государственный архив Саратовской области, ф. Р-2706, оп. 1, д. 73, л. 2 об.—3.

¹⁴ Государственный архив Пензенской области (далее — ГА ПО), ф. Р-952, оп. 1, д. 10, л. 15.

¹⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 34. Ст. 333.

¹⁶ Анушкин А. Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома. С. 17.

¹⁷ Государственный архив Ульяновской области (далее — ГА УО), ф. Р-337, оп. 1, д. 33, л. 65 об.

ботка, и частное лицо получает сейчас же 5% с договариваемой суммы, едет на место и после отвода площади получает ещё 5%; после этого, имея на руках громадную сумму денег, но не заготовив ещё ни одного полена дров, он не торопится приступать к работе, рассуждая очень просто: что деньги кармана не пролежат. А в конце концов может получиться такая история: увидит частное лицо, что ему дров не заготовить, придерётся к чему-нибудь и откажется вовсе от заготовки, возвратит Главлескому его деньги, использовав их предварительно так, как ему надо. Желающих таким образом получить наряды... очень много. Члены Президиума осаждаются ими целыми тучами»¹⁸.

Соображения о спекулятивных наклонностях подрядчиков находят подтверждение в данных статистики. Так, в отчёте о заготовке дров для отдела топлива Московского городского совнархоза в 1919 г. отмечено, что в Нижегородской губ. подрядчики Левис и Гуревич заготовили 500 куб. сажений¹⁹ из запланированных 12 тыс. (4,16%); в Тверской губ. Штейн, Фрумкин и Берман — 929 куб. сажений из 20 тыс. (4,6%)²⁰. Такие низкие результаты могут свидетельствовать о нежелании предпринимателей всерьёз заниматься развёртыванием лесозаготовок. В целом по стране за 1919/20 г.²¹ в общем объёме лесозаготовок государственное задание составляло для гублескомов — 41,5%, желескомов — 24%, главков — 14,5%, различных организаций — 16%, частных — 4%. При этом гублескомы выполнили 95% задания, желескомы — 90,8%, главки — 52,5%, предприниматели — 29,6% (по вывозке ещё меньше — 17,9%). Но в Главлескоме стояли на своём. Апушкин писал по поводу лесозаготовительной кампании 1919/20 г.: «Правда, Главлескомом за всё это время допускался к заготовкам и частный аппарат, и самозаготовки, но всё это такими нетвёрдыми шагами, полумерами, в ограниченных размерах, что только ставило частный аппарат в невыносимо тяжёлые условия, ложное положение, скорее компрометируя его, чем давая возможность проявлять ему себя и доказать свою силу и право на участие в общем деле лесозаготовок... Надо ещё удивляться, что при всех этих условиях они заготовили около 1/3 задания»²². Кроме того они заготавливали дрова и лесоматериалы как самостоятельно, так и для гублескомов и желескомов по договорам подряда. В одном из вариантов отчёта за 1919/20 г. приводились данные о том, что гублескомы обычным хозяйственным способом (т.е. своим аппаратом) заготовили 75%, желескомы — около 50%, остальное пришлось на подрядчиков: «Тем не менее подрядный способ играл в 19—20 гг. большую роль, осуществляя около 2/5 всей заготовки и вывозки»²³. Как следствие, курс на поддержку частных лесозаготовителей был подтверждён.

С мест тем временем поступали протесты. Например, на съезде лесозаготовителей Пензенской губ. (23—25 августа 1919 г.) заведующий четвёртым участком гублескома С.П. Чумичкин жаловался на «конкуренцию, создаваемую

¹⁸ ГА ПО, ф. Р-952, оп. 1, д. 10, л. 11.

¹⁹ В одной кубической сажени 9,71 кубометра (*Селибер Б.И.* Справочник по лесной промышленности и лесному хозяйству. Пг., 1923. С. 228).

²⁰ ГА РФ, ф. Р-130, оп. 3, д. 335, л. 97 об., 99.

²¹ Хозяйственный или операционный год, за который стала собираться отчётность после революции, продолжался с июля одного календарного года до июля следующего, с 1921 г. и до начала 1930-х гг. — с октября по сентябрь.

²² *Апушкин А.* Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома. С. 18.

²³ Лес // Известия ВЦИК. 1920. 25 декабря.

предпринимателями», которые ведут разработку дров по соседству с его «околодком»²⁴. Конкуренцией именовалось переманивание лесорубов и возчиков за счёт незаконного повышения установленных расценок оплаты работ с одного участка на другой. Аналогичную проблему отмечали на съезде представителей лесных отделов и лесных комитетов Симбирской губ. (сентябрь 1919 г.): «Между тем эти частные лица, желая привлечь рабочих и техников, не считаются с установленной оплатой труда, что не может не вносить дезорганизацию даже в хорошо налаженную работу»²⁵. Либерман дал такой ответ на эти «сигналы»: «Но если на местах наблюдается взвинчивание цен, захват участков и т.п., то такие явления д[олжны] б[ыть] поставлены в вину прежде всего нашим гублескомам, которые согласно постановлению Президиума ВСНХ обязаны на местах регулировать эти вопросы»²⁶. Алгоритм рассуждений очевиден: курс центра на привлечение частных предпринимателей верен, а если на местах что-то идёт не так, в этом виноваты недалёкие местные работники.

Поняв, что помощи от Москвы ожидать не приходится, в регионах начали обходиться своими силами. Руководителю Пензенского гублескома Юкину в борьбе с «частниками» удалось заручиться поддержкой хозяйственников. Под его влиянием съезд совнархозов Пензенской губ. (17 августа 1919 г.) решил, что «подрядный способ заготовки... в связи с местными условиями не может дать положительных результатов». Давалось указание послать от имени съезда телеграмму в президиум ВСНХ, выразив в ней «энергичный протест против предпочтительного отношения Главлескома к подрядному способу заготовки в обход существующих органов совнархоза, которые в силах были бы справиться с лесозаготовительным делом, если бы им были предоставлены финансовые средства, которые теперь без всякой гарантии распыляются между подрядчиками-предпринимателями»²⁷. Заслуживает внимания высказанное на съезде предложение Юкина: «Я думаю, что Главлеском поступил бы гораздо благоразумнее, если бы поручил заключение договоров гублескомам, которые сумели бы заключить договоры с более надёжными элементами и сумели бы избавить Республику от лишних расходов»²⁸.

Деятельность «частников» на лесозаготовках в губернии в значительной степени парализовало постановление губисполкома в июле 1919 г., поставившее несколько барьеров желающим заработать на курсе Главлескома. Во-первых, оговаривалось, что «желающие вести заготовку на подрядных началах будут допускаться к ней только по выходе инструкций», обещанных центральным ведомством. На съезде лесозаготовителей в конце августа Юкин говорил, что это распоряжение пока не опубликовано. Во-вторых, в пунктах 3 и 7 приложения к постановлению указывалось, что «при разработке делянок каждый заготовитель обязан подчиняться всем указаниям технического характера гублескома и гублесподотдела». Пункт 8 гласил, что «неисполнение какого-либо из пунктов 3 и 7 влечёт за собой меры воздействия вплоть до отобрания площади от заготовителя без какого-либо права на получение новой или возмещение убытков по начатой разработке»²⁹. В-третьих, распределение гублескомом лес-

²⁴ ГА ПО, ф. Р-952, оп. 1, д. 10, л. 7 об.

²⁵ ГА УО, ф. Р-337, оп. 1, д. 33, л. 65 об.

²⁶ *Либерман С.* О политике заготовки древесного топлива.

²⁷ ГА ПО, ф. Р-442, оп. 1, д. 217, л. 18, 32.

²⁸ Там же, ф. Р-952, оп. 1, д. 10, л. 11 об.

²⁹ Там же, л. 20 об.

ных площадей должно было производиться в соответствии с четырьмя категориями потребителей, которым будут переданы дрова. К первой группе отнесли «Красную армию и предприятия, её обслуживающие». Предприниматели, производящие заготовку дров в порядке подряда от Главлескома, могли быть отнесены как к третьей группе (фабрик и заводов государственного значения), так и к четвёртой (промышленных предприятий местного значения и прочих потребителей). Поэтому и лесные площади им предоставлялись в последнюю очередь, в не самых удобных с точки зрения организации рубки и вывозки лесоматериалов местах.

Руководитель Симбирского лескома М.М. Фомин не обладал ни специальным образованием, ни энергией Юкина. Для этой губернии была характерна значительная децентрализация данной отрасли. Судя по всему, комитет не очень волновало, кто помимо него занимается заготовками дров и лесоматериалов. Поэтому, например, в 1920 г. здесь работали свыше 50 различных организаций³⁰, в том числе из Самарской, Саратовской, Нижегородской и даже Царицынской губерний³¹. Симбирская губ. обладала большим запасом леса по сравнению с Пензенской, но такое количество заготовителей было явно избыточным. Как следствие, привлечение частных предпринимателей дало отрицательный результат. В отчёте гублескома за период с января по октябрь 1919 г. отмечалось: «Приехали из разных мест люди с “крепкими” мандатами центра и распоряжениями Главлескома об отводе лесных площадей, без инструментов, не знающие местных условий и с опытом старого времени. Получили лесные площади и стали просить инструменты и продукты, которых гублескому не хватало самому. Начали работать действительно знающие местные условия, большинство же к работам не приступало»³².

В сводках о ходе работ по 37 лесничествам³³ губернии за период с июля 1919 г. по май–июнь 1920 г. удалось выявить только нескольких частных предпринимателей³⁴. Наиболее успешным оказался подрядчик Московско-Казанской железной дороги И. Захаров, заготовивший в Сурском лесничестве Курмышского уезда 1725 куб. саженей дров и вывезший к железной дороге 6070 куб. саженей. В лесничестве Алатырского уезда вело работы товарищество «Казандро́ва» — контрагент четвёртого района желескома той же железной дороги. Начав работы в ноябре 1919 г., до 31 декабря оно заготовило 158 куб. саженей и вывезло 136, с 1 января по 1 апреля 1920 г. — 703 и 530, в апреле и мае — 160 и 117 соответственно. Результаты работавшего в Сурском лесничестве подрядчика Топливного союза И. Казакова скромнее — только 220 куб. саженей заготовленных и вывезенных дров. Контрагенты от Рауспирта Шефрик и Добкин осуществили заготовку 120 куб. саженей для винокуренного завода в Темрязанском лесничестве Сенгилеевского уезда. Так и не приступил к работам в Жигулёвском лесничестве Сызранского уезда подрядчик Туркфронта С.А. Зильбербург.

Из перечисленных подрядчиков претензий к количественным показателям не может быть только в отношении Захарова. Представляется, что в богатом лесом Алатырском лесничестве желеском за те же семь месяцев работы, ко-

³⁰ ГА УО, ф. Р-181, оп. 1, д. 228, л. 24.

³¹ РГАЭ, ф. 2254, оп. 1, д. 720, л. 2–84.

³² ГА УО, ф. Р-200, оп. 2, д. 329, л. 60 об.

³³ Всего в губернии насчитывалось 63 лесничества (Там же, ф. Р-337, оп. 1, д. 53, л. 1, 25).

³⁴ РГАЭ, ф. 2254, оп. 1, д. 474, л. 1–34; д. 720, л. 2–160.

торые товарищество «Казандро́ва» потратило на заготовку 1 тыс. куб. сажень (из которых вывезти удалось только 783), мог самостоятельно заготовить даже больше. Для сравнения, с мая 1919 г. по май 1920 г. Московско-Казанский железном заготовил в лесничествах Симбирской губ. 84,5 тыс. куб. сажень дров хозяйственным способом (т.е. собственным лесозаготовительным аппаратом) и 16,4 тыс. — иными путями³⁵. Среди них — заготовка частниками-подрядчиками, трудовыми артелями, общественными организациями и кооперативами. Заготовки общественников и кооперативов в губернии производились, но в ограниченном количестве. Поэтому долю частников в общем объёме 16,4 тыс. куб. сажень заготовки для нужд данной железной дороги можно приблизительно оценить в диапазоне 12–15 тыс.

Помимо Московско-Казанской заготовки древесного топлива в губернии в 1919/20 г. вели Сызрано-Вяземская, Волго-Бугульминская, Рязано-Уральская и Самаро-Златоустовская железные дороги. Но последние три работали исключительно хозяйственным способом. «Иным способом» оказалось получено только 2937 куб. сажень дров для Сызрано-Вяземской дороги (из 6,5 тыс. общей заготовки)³⁶. Всего по Симбирской губ. с октября 1919 по май 1920 г. заготовили 342 тыс. куб. сажень³⁷. Вклад частных предпринимателей в этот объём оказался скромн — примерно 20–25 тыс. (15–20 тыс. заготовки Московско-Казанской и Сызрано-Вяземской дорог подрядным способом в совокупности с ещё несколькими тысячами у отдельных подрядчиков других организаций). Не приступившие к работам частники бесполезно занимали отведённые им лесные площади, лишив кого-то из местных организаций или промышленных предприятий возможности обеспечить себя дровами. В отчёте комитета подчёркивалось, что значительное количество лесозаготовителей «создало на местах взаимную конкуренцию как в пользовании рабочей силой, так и при получении лесосек и снабжения, что губительно отразилось на работе гублескома»³⁸.

Пензенский и Симбирский гублескомы не одиноки в отрицательных оценках предпринимателей в лесной промышленности. Апушкин писал летом 1919 г.: «Этот новый принятый курс (на привлечение частных предпринимателей. — *Е.В.*) в деле лесных заготовок имеет много защитников, в большинстве своём из среды потребителей, а ещё более врагов, как из среды лескомов, увидевших в этом недоверие со стороны Главлескома к их силам и способностям, а равно со стороны лиц и организаций, принципиально и программно смотрящих иначе»³⁹. Оппозиция на местах не осталась незамеченной в центре, но её аргументы сочли выражением местечковых интересов и нежеланием допустить конкурентов на свою территорию. Либерман осенью 1919 г. высказался по данному вопросу определённо и категорично: «Многие гублескомы решительно стоят против допущения “чужих” заготовителей в свои владения, видя в этом нарушение своих прав. То обстоятельство, что в своей губернии гублескому удалось заготовить всего 10–30% задания, мало его смущают»⁴⁰.

³⁵ Год работы по снабжению железных дорог топливом. Ч. 1. М., 1920. С. 172.

³⁶ Там же. С. 175–176.

³⁷ ГА УО, ф. Р-200, оп. 1, д. 561, л. 149.

³⁸ Отчёт о деятельности Симбирского ГСНХ за время с 1 января по 1 октября 1920 года. К X губернскому съезду Советов. Симбирск, 1921. С. 2.

³⁹ Апушкин А. На рубеже двух дровяных заготовок // Народное хозяйство. 1919. № 7. С. 29.

⁴⁰ Либерман С. О политике заготовки древесного топлива.

Следует отметить, что замечание о низкой эффективности работы гублескомов верно только отчасти. Во-первых, по данным начальника отдела губернских заготовок Главлескома, местные отделения ведомства обеспечили в 1918/19 г. 38% плана⁴¹. Во-вторых, следует учесть, что гублескомы в массе своей появились только в январе–феврале 1919 г., поэтому для наиболее результативной зимней заготовки им оставалось примерно 2–2,5 месяца, поскольку в апреле–мае начиналась посевная, что обычно вызывало массовый отток сезонных рабочих – местных крестьян.

Как правило, комитеты создавались на базе организованных осенью 1918 г. лесозаготовительных отделов губернских советов народного хозяйства. В опубликованном отчёте Главного управления по топливу приводился перечень трудностей, мешавших нормальному ходу работ: «В области дровозаготовок происходит организационная перестройка в связи с ликвидацией частного лесопромышленного аппарата, при одновременной естественной слабости государственного лесозаготовительного аппарата, впервые приступающего к колоссальной по объёму работе, при неумении, частью нежелании работать и частью панике специалистов, могущих содействовать работе»⁴². Кроме того, летом и осенью 1918 г. на территории Самарской, Симбирской и Саратовской губерний велись боевые действия. В Самарской, к примеру, планировалось начать заготовки дров в сентябре, но развернуть работы удалось только в декабре⁴³. Поэтому наладить систему производственных участков и накопить существенные запасы заготовленных дров лесозаготовительные отделы совнархозов не смогли. Кроме того, «новорождённые» гублескомы сразу же столкнулись с недостатком пил и топоров, которые Главлеском выделял в недостаточном количестве. Например, в выступлении на съезде лесозаготовителей Пензенской губ. (август 1919 г.) член коллегии гублескома Я.Ф. Роут подчеркнул: «Надеяться на нормальное снабжение инструментами уже не придётся. Главлеском сказал тов. Юкину, что навряд ли мы от него получим хотя бы одну пилу или один топор, и предложил гублескому самоснабжаться»⁴⁴.

С учётом вышеизложенного сводить причины срыва лесозаготовок в 1918/19 г. только к неэффективной работе гублескомов неоправданно. Часть вины должен взять на себя и Главлеском. Уже в 1919/20 г., когда производственный процесс оказался налажен, результаты работы гублескомов приблизились к 100% выполнению заданий. Но весной 1919 г. руководители Главлескома решили распределить часть финансовых средств для лесозаготовок частникам. Скорее всего, решающую роль сыграли панические настроения в связи с усилением топливного кризиса.

В разногласиях центра и регионов по поводу частного предпринимательства на лесозаготовках применительно к условиям Поволжья более убедительно выглядит позиция работников на местах. Частный аппарат мог принести определённую пользу в богатых лесом губерниях с редким населением и незначительным количеством лесозаготовителей, например, в Архангельской или Вологодской. Следует обратить внимание на то, что активный сторонник част-

⁴¹ Анушкин А. Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома. С. 17.

⁴² Топливоснабжение России за время войны и революции. К отчёту ГУТа за 1921 год. Вып. II. М., 1922. С. 13.

⁴³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА СО), ф. Р-644, оп. 1, д. 397, л. 18.

⁴⁴ ГА ПО, ф. Р-952, оп. 1, д. 10, л. 13–13 об.

ного предпринимательства на лесозаготовках Апушкин в период Первой мировой войны работал уполномоченным по заготовкам древесного топлива Особого совещания по топливу в лесной Костромской губ., начав заготовки дров в зимний сезон 1916/17 гг.⁴⁵ Поскольку большая часть дров в дореволюционной России заготавливалась как раз частными предпринимателями, можно предположить, что он проецировал свой удачный опыт по обеспечению Костромы топливом в 1917–1918 гг. на всю Россию в совершенно другой экономической ситуации 1919–1920 гг.

В условиях же губерний Поволжья, отличавшихся десятками лесозаготовительных организаций в каждой из них при нехватке удобных для разработки лесных площадей, увеличение числа заготовителей за счёт «частников» только обостряло дефицит продовольствия, инструментов, рабочих рук и тормозило ход работ. Кроме того, в условиях экономического кризиса и организационной неразберихи лескомы, военные организации, промышленные предприятия нарушали правила ведения рубок, в частности, очистки лесосек. Подрядчики тем более не собирались соблюдать нормы. Лесничий Алатырского лесничества Симбирской губ. Ф. Шишкин в напечатанной весной 1920 г. листовке «Бич русских лесов – лесные пожары» утверждал, что в большинстве лесозаготовительных организаций «преобладают в числе лесозаготовителей главным образом бывшие лесопромышленники», которые ведут работы и при этом «нисколько не заботятся о том, в каком состоянии остаётся после них лес», «захламлённость сучьями и порубочными остатками ужасная»⁴⁶. Брошенные в местах заготовок в массовом количестве обрубленные сучья и верхушки деревьев явились одной из главных причин широкого распространения в регионе в 1920–1921 гг. лесных пожаров⁴⁷.

Кроме того, очень быстро выяснилось, что оправдывавшие себя в условиях стабильной экономики частное предпринимательство и соревнование лесозаготовителей в обстановке военного времени и экономического кризиса неизбежно вызвали многочисленные злоупотребления. Победителем в гонке за звание самого успешного заготовителя становился не тот, кто лучше знает специфику лесного дела и является лучшим организатором, а тот, например, кто сумел различными, не всегда законными путями получить доступ к дефицитному продовольствию для раздачи его на своих производственных участках. Обстановка всеобщего дефицита неизбежно усиливала коррупцию. Работник одного из отделов Главлескома И. Рапорт писал впоследствии: «В области заготовки и вывозки дров и лесных материалов, где допускается в извращённой и хищнической форме частная инициатива в виде сдачи подрядов, берут (взятки. – *Е.В.*) при подписании договоров, берут за отвод лесных площадей, берут за выдачу авансов, берут за отпускаемое продовольствие и инструменты, берут при приёмке дров, берут за подлоги в объёме дров и в указании расстояния вывозки, – словом, всех возможностей взять не перечесть»⁴⁸.

⁴⁵ Апушкин А.А. К истории топливной организации в Костромской губернии в 1915–1918 гг. Кострома, 1919. С. 1–5.

⁴⁶ РГАЭ, ф. 2254, оп. 1, д. 56, л. 2.

⁴⁷ Воейков Е.В. Лесные пожары в Среднем Поволжье: забытая экологическая катастрофа Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2020. № 4. С. 112–127.

⁴⁸ Рапорт И. Полтора года в советском главке // Архив Русской революции. Кн. 1. Т. 2. М., 1991. С. 104.

Такое мнение можно было бы считать пристрастным, учитывая факт эмиграции Рапопорта из Советской России. Но оно совпало с впечатлениями от подрядчиков Юкина, которыми он поделился на съезде лесозаготовителей Пермской губ. в августе 1919 г.: «Я к этим третьим лицам присмотрелся немного в Москве и вывел заключение, что большинство из них — спекулянты. Некоторые из них чистосердечно сознались, что берут подряд потому что можно получить на руки большую сумму денег. Удивило меня также и то, что этими частными лицами являются бывшие приказчики и служащие крупных лесозаготовителей царского времени, нет ни одного старого лесозаготовителя. Договоры начали заключаться с мая месяца, но в настоящее время нет ещё ни одного крупно поставленного частными лицами дела, да я и сомневаюсь, что частное лицо дало бы дрова. Я ещё раз повторяю, что 90% подрядчиков — чистые спекулянты»⁴⁹.

Понимали ли руководители Главлескома опасность злоупотреблений и коррупции, а также недостаточную эффективность действий подрядчиков в той экономической ситуации? Ломов, судя по сохранившимся отзывам и написанным им статьям, не являлся яркой и творческой личностью. Например, по утверждению работавшего в одном из отделов главка служащего, его «главным талантом» являлась «способность говорить, когда угодно, о чём угодно и сколько угодно»⁵⁰. «Мелочи» вроде нецелевого использования средств, выделенных подрядчикам, и коррупции в аппарате могли пройти мимо внимания этого руководителя.

Начальник ведущего отдела комитета Апушкин зарекомендовал себя как профессионал и ответственный работник. Можно предположить, что его убежденность в эффективности частного аппарата базировалась на неверии в способность советской бюрократии вести дело в условиях кризиса. Сохранились свидетельства о неблагополучном кадровом подборе в Главлескоме. Заместитель председателя ведомства М.В. Рыкунов писал 14 июня 1920 г.: «Состав руководящих лиц во всех отделах чрезвычайно слаб, выражаясь мягко: работа велась как-то поверхностно, как будто всё это делалось для того, чтобы показать, что они работают... Никакого продуманного плана как в лесозаготовках, так и в деревообрабатывающей промышленности нет и в помине, всё делалось кустарно, случайно, под давлением нажима верха. Никаких толковых инструкций и указаний местам не было... Отделы часто исполняют совершенно к ним не относящиеся работы, и получается огромная путаница»⁵¹. Ежедневно наблюдая этот хаос, Апушкин вполне мог искать новые, нестандартные пути решения проблемы топливного кризиса.

Впрочем, возможно также, что в Москве многочисленные недостатки деятельности подрядчиков на лесозаготовках где-нибудь в Пензенской или Симбирской губерниях просто не замечали. Хроническое же невыполнение плановых заданий по заготовкам дров и тотальный дефицит необходимого для выдачи лесорубам и возчикам продовольствия вынуждали хвататься за «соломинку» частного предпринимательства, которое, как мечталось руководителям ведомств, сможет переломить ситуацию в лучшую сторону.

Тем временем постепенно количество частных предпринимателей в лесной промышленности сокращалось: если в 1919/20 г. по всей России их насчитывалось 1200—1500 человек, то в 1920/21 г. — от 600 до 700. Подобный спад

⁴⁹ ГА ПО, ф. Р-952, оп. 1, д. 10, л. 11 об.

⁵⁰ *Рапопорт И.* Полтора года в советском главке. С. 99.

⁵¹ ГА УО, ф. Р-181, оп. 1, д. 228, л. 72.

можно объяснить колебаниями политического курса. Апушкин отмечал: «Декретом СНК от 24 ноября 1920 г. частный аппарат аннулируется, а декретом от 6 дек[абря] того же года разрешается ГЛК оставить до 1 мая 1921 г. 275 контрагентов. Но на этом дело не кончается, и постановлением ВЦИК от 31 марта 1921 г. действие декрета от 6 дек[абря] приостанавливается, и работа частного аппарата продолжается до 1 июля 1921 г. Как видите, за короткий срок, всего 4 месяца, отношение ГЛК к частному аппарату часто меняется»⁵².

На местах же нередко отчаивались разобраться в нюансах и хитросплетениях политики центра и начинали действовать по принципу «пусть будет как будет». Кто-то — в духе новых веяний нэпа — пытался сделать ставку на частную инициативу: «Что касается института контрагентов, этой “болезни” нашего лесозаготовительного дела, то Саратовский гублеском не избежал общей участи. Обладая мощным аппаратом, он всё же сдал частной компании заготовку почти всего количества дров, намеченного заданием». Но Президиум ВСНХ расторг заключённый договор как не соответствующий интересам губернии. Деятельность предпринимателей характеризовалась следующим образом: «Печально положение лесничеств, которые, хотя и на короткое время, попали в руки контрагентов»⁵³.

Базируясь на материалах губерний Поволжья, можно выделить несколько моделей реализации курса Главлескома на максимально упрощённый порядок выделения лесных площадей частным предпринимателям. Первый — блокировка доступа «частников» к заготовкам. Его реализовывали в Пензенской губ., где по инициативе энергичного руководителя лескома на основе постановления исполкома предприняли попытку ограничения допуска «частников» к лесозаготовкам с правом «отобрания» предоставленных лесосек при неподчинении местному начальству. В итоге подрядный способ на лесозаготовках в губернии распространения не получил. В отчёте губернского экономического совещания за период с октября 1921 по апрель 1922 г. указывалось: «Работы хозяйственных органов производились преимущественно хозяйственным способом. Заготовка не велась ни артелями, ни подрядчиками, ни союзами, ни на комиссионных началах»⁵⁴.

Близкий к пензенскому вариант характерен для Самарской губ. Отчёты тамошнего лескома за 1919 и 1920 гг. содержат перечни ведущих лесозаготовочных организаций, но упоминания о частных подрядчиках отсутствуют⁵⁵. Уже при переходе к нэпу, в осенне-зимний сезон 1921/22 г., «к лесозаготовке был привлечён частный аппарат на началах подрядной работы»⁵⁶, но количественные результаты оказались минимальны. В отчёте губернского управления по топливу за период с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. сказано, что «частный аппарат занят заготовкой дров на договорных началах для нужд государственных и кооперативных организаций» и «эта заготовка чрезвычайно невелика... пока заготовлено немного больше 1000 куб. саж.»⁵⁷. По данным отчёта губернского

⁵² Апушкин А. Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома. С. 21.

⁵³ Наша промышленность. Положение с топливом в 1921 г. // Известия (Саратов). 1922. 7 марта.

⁵⁴ Отчёт Пензенского губэкономсовещания Совету труда и обороны и Совнаркому за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Пенза, 1922. С. 102.

⁵⁵ ЦГА СО, ф. Р-81, оп. 1, д. 246, л. 127; д. 412, л. 49; ф. Р-235, оп. 1, д. 10, л. 161.

⁵⁶ Отчёт Самарского губернского экономического совещания. Вып. II. 1 октября 1921 г. — 1 апреля 1922 г. Самара, 1922. С. 79.

⁵⁷ ЦГА СО, ф. Р-239, оп. 7, д. 20, л. 13.

экономического совещания с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. показатели работы подрядчиков составили: товарищество «Лесоработ» – 450 и 210 куб. саженей (заготовка и вывозка), артель «Лесной работник» – 540 и 467, товарищество «Лесопромышленник» – 758 и 668, предприниматель И.П. Головин – 27 и 148⁵⁸. Следовательно, общий результат «частников» составил 1775 куб. саженей заготовки и 1493 вывозки. При этом всего по губернии в 1921/22 г. заготовлено 10 224 и вывезено 18 273 куб. саженей дров⁵⁹. Такие незначительные по сравнению с общим количеством показатели свидетельствуют о низкой эффективности их работы. В отчёте губэкономсовещания констатировалось: «В современных условиях Самарской губернии дело лесозаготовки, чаще всего удалённой от пути сообщения, очевидно, не под силу и частному аппарату»⁶⁰.

Вторую модель участия предпринимателей в лесозаготовках реализовали в Симбирской губ., предоставив «частникам» свободу рук. Однако их результативность и здесь оказалась очень низкой.

Подводя итоги, можно констатировать, что всеобщее огосударствление экономики при «военном коммунизме» не сочеталось с творческой частной инициативой. В сфере лесозаготовок требовались неизменность государственной политики и относительно стабильная ситуация в экономике. Ни того ни другого в стране не было и быть не могло. По поводу непредсказуемых изменений курса в отношении частных предпринимателей один из руководителей Главлескома писал: «При этих условиях, мне кажется, лучше было бы их вовсе не допускать, хотя я... верю в их жизнеспособность и успех деятельности»⁶¹.

Кроме того, организовывать рубку и вывоз леса при дефиците инструментов, продовольствия для рабочих и фуража для лошадей удавалось только государственным лесозаготовительным органам. Ни один лесопромышленник в условиях инфляции, хронического дефицита промтоваров и продовольствия, непредсказуемых действий государства не стал бы рисковать своими деньгами. Польститься на предлагаемые Главлескомом условия работ могли только жулики или авантюристы, и в этом отношении оценка Юкиным предпринимателей, желавших взять подряды в Главлескоме, оказалась верной. Частное предпринимательство в условиях «военного коммунизма» было изначально обречено или на жалкое и убыточное существование, или на криминализацию, символом которой стал «чёрный рынок».

Многообразие условий России и имеющиеся данные позволяют утверждать, что при определённых обстоятельствах деятельность «частников» всё-таки могла быть эффективной. Но неблагоприятная общая тенденция развития частного предпринимательства в лесном деле сохранялась. В данном вопросе в очередной раз проявились тенденция игнорирования центром как конкретной экономической ситуации, так и специфики развития отдельных регионов, и стремление подогнать очень разные части обширной по территории и разнообразной по климатическим и экономическим условиям страны под единый шаблон.

⁵⁸ Отчёт Самарского губернского экономического совещания. Вып. II. С. 77.

⁵⁹ ЦГА СО, ф. Р-239, оп. 7, д. 20, л. 15.

⁶⁰ Отчёт Самарского губернского экономического совещания. Вып. II. С. 79.

⁶¹ Анушкин А. Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома. С. 21.